

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842—1919
Обратная сила. 1965—1982
Обратная сила. 1983—1997
Цена вопроса. Том 1
Цена вопроса. Том 2

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

ШАРКОВ

Вот так. Еще сегодня утром жизнь была другой, привычной, поддающейся планированию и понятной. Еще сегодня в шесть утра Валерий Олегович, заваривая кофе и с аппетитом поедая поданный женой завтрак, точно знал, что и как будет происходить и сегодня, и завтра, и послезавтра...

А сейчас вдруг выяснилось, что ничего-то он не знает и не понимает. И решение нужно принимать немедленно. Альтернатива у Валерия Олеговича жесткая, совершенно очевидная и малоприятная: пожертвовать придется или делом всей своей жизни, или собственно этой самой жизнью. Да нет же, не пожертвовать в прямом смысле этого слова, а всего лишь поставить на кон в игре с судьбой. Может быть, ему повезет, и он выиграет. Но может и проиграть. Страшно. Риск чрезвычайно высок.

«Зачем? — тоскливо и растерянно думал Валерий Олегович, глядя из окна автомоби-

ля на медленно (ах, эти ставшие притчей во языцех московские «пробки»!) проплывавшие мимо улицы, дома, машины, рекламные щиты и яркие вывески. — Почему, ну почему именно сейчас? Почему не через год, ну пусть через полгода, или хотя бы даже через пару месяцев? Через пару месяцев мы наверняка сняли бы остроту вопроса, и три-четыре недели, о которых идет речь, не сыграли бы никакой роли. Я мог бы выпасть из процесса и на более долгий срок, и для дела ни малейшего ущерба, и вообще: никто бы даже не заметил моего отсутствия. Но сейчас... Нет, сейчас никак нельзя. Я должен держать руку на пульсе, я должен быть доступен для принятия решений двадцать четыре часа в сутки, я должен все контролировать и всем управлять, иначе дело, которому я посвятил тридцать лет, может рухнуть. Ну почему, почему все сошлось именно сейчас!»

— Прижмись где-нибудь, — скомандовал он водителю.

— Здесь нигде нельзя, — откликнулся тот. — Если только во двор какой-нибудь заехать. Но если ненадолго, то можно и так...

Да, забывает Валерий Олегович об этих клятых новых правилах парковки, особенно в центре столицы. Теперь нигде просто так не встанешь. Зато трафик стал заметно лучше, с этим не поспоришь.

Ему нужно подумать. Впрочем... Нет, уже не нужно.

Он вытащил из кармана телефон и позвонил Большакову.

— Нужно встретиться. Срочно.

— Я понял, — слышалось в трубке. — Через час годится?

— Да. Жду.

* * *

Константин Георгиевич Большаков сделал в свое время поистине стремительную карьеру, в 34 года получив назначение на должность начальника «убойного» отдела на Петровке. Было это 10 лет назад, и с тех пор Большаков успел послужить на некоторых должностях в центральном аппарате, после чего вернулся в Главное управление внутренних дел Москвы, заняв кресло заместителя начальника по криминальной полиции. Был он человеком честным и порядочным, офицером — грамотным, хорошо подготовленным и очень профессиональным, поэтому Валерий Олегович Шарков проявил в свое время завидное упорство, отстаивая кандидатуру полковника Большакова.

— Костя, ты нам нужен на этой должности, — говорил Шарков. — Но ты должен отдавать себе отчет, что звание генерала ты в этом кабинете не получишь.

— Ну и что? — безмятежно улыбался Константин Георгиевич. — Меня под генеральские погоны не затачивали. Лишь бы на пользу делу.

Это было правдой. «Затачивали» юного Костю начиная с 17 лет совсем под другое.

Квартира покойного профессора Ионова пустовала. Евгений Леонардович скончался два года назад в возрасте восьмидесяти восьми лет, предварительно переоформив свою жилплощадь таким манером, чтобы его преданные ученики и последователи могли ею беспрепятственно пользоваться. Дети, внуки и правнуки старого профессора против такого решения не возражали: были они людьми адекватными ментально и более чем состоятельными финансово и к распоряжениям заслуженного ученого отнеслись уважительно. Разумеется, они и знать не знали, чем на самом деле занимался профессор Ионов, однако видели, что работает он много и с несомненным удовольствием и интересом, хотя в последние годы из дому почти не выходит. Если Костя Большаков мог считаться всего лишь последователем Евгения Леонардовича, то генерал Шарков был самым настоящим учеником Ионова и преемником его идей.

Именно сюда, в квартиру профессора, и приехал теперь Валерий Олегович. Здесь он встречался и с Большаковым, и с другими соратниками по общему делу. Порядок и чистоту в жилище продолжала поддерживать все та же милая соседка по имени Роза, бывшая домработница Ионова: об оплате ее услуг заблаговременно позаботился все тот же пред-

усмотрительный Евгений Леонардович. Даже к собственному уходу из жизни старый профессор подготовился столь же основательно и тщательно, как делал все и всегда.

Квартира показалась Шаркову сумрачной и темной, но он быстро сообразил, что все дело в задернутых тяжелых шторах. Такая уж привычка была у Розы: после уборки непременно задергивать шторы на всех окнах, словно бы прощаться с помещением и ставить точку. Шарков не стал разрушать спокойный полумрак, прошел в гостиную, сел на диван, прикрыл глаза. Костя приедет минут через 20—25, не раньше, еще есть время подумать. Когда он, Валерий Олегович, был здесь в последний раз? Не так давно, пару недель назад, встречался все с тем же Костей Большаковым, своей правой рукой. И уже тогда, две недели назад, Шарков мог бы сообразить, что происходит. Мог. Но не сообразил. А месяц назад — мог? Наверное, тоже уже мог. А два месяца назад? А три? Где, когда, в какой момент пролегла та тонкая, почти невидимая, неосязаемая линия, которая разделяет время «еще нет» и время «уже да»? В какой момент Шарков должен был забеспокоиться и насторожиться? Наверное, тогда, когда Борис Орлов, сидя на вот этом самом диване, с грустью сообщил:

— Игорек сорвался. Ушел из программы. Я очень старался его убедить, но он меня не послушал. Он категорически против наших

методов и наших принципов. Как сказала бы моя покойная мама, это вечный конфликт Белинского с Гоголем.

В тот момент Шарков не охватил разумом все сказанное адвокатом Орловым, зафиксировал только сам факт: человек, привлеченный к работе в программе, разочаровался в ней и отказался от дальнейшего сотрудничества. Ну что ж, это дело обычное. Кто-то приходит, кто-то уходит, как бывает на любой работе и в любом деле. Та встреча с Орловым была плановой, им предстояло обсудить результаты работы адвокатов, сотрудничающих с программой, и мозг Валерия Олеговича настроился именно на эту проблему, а вовсе не на какого-то там Игоря, который даже и не адвокат, и вообще не юрист.

Но, возможно, он, генерал Шарков, и ошибается. Не происходит ничего экстраординарного. Просто завелся на просторах нашей великой страны очередной псих, маньяк. Плохо, конечно, что и говорить, но для программы никакого значения не имеет. Поймают его рано или поздно. А вот если это не маньяк, тогда... Как узнать? Только одним способом. И пока вопрос не будет решен, пока генерал не убедится, что программе ничто и никто не угрожает, не будет ему покоя.

Валерий Олегович поерзал на диване, пытаясь поудобнее устроить ноющую шею и расслабить мышцы, и внезапно с ужасом осознал,

что прислушивается к своему телу. Рванет? Или нет? И если рванет, то когда? Господи, еще сегодня утром, даже еще три часа назад подобные мысли не могли бы появиться в его голове. Зачем, ну зачем он узнал? Зачем ему сказали?

Скрежетнул ключ в замке: пришел Большаков. Ключи от квартиры были только у него и у генерала, третий комплект — у Розы. Константин Георгиевич, красивый стройный мужчина с умными глазами, молча прошел в комнату и уселся в кресло лицом к Шаркову.

— Что-то случилось? — негромко спросил он.

— Случилось.

— У вас? Или у всех нас?

— У меня — точно случилось, а насчет всех нас — пока непонятно. Я сегодня был у врача. И кой черт меня дернул обратиться с болями в животе! Ну, болело и болело, подумаешь... Выпил обезболивающее — и вперед, как обычно. Так нет же! Поперся к лепилам, старый дурак.

В голосе Валерия Олеговича звучала неприкрытая досада и злость то ли на врачей, то ли на самого себя. Шарков глубоко вздохнул и замолчал.

— Что сказал врач?

— Аневризма аорты. Давно уже, лет пятнадцать, а может, и больше. Говорит, что рвануть может в любой момент. И вплоть до летального исхода, если не повезет. А если по-

везет, то, может быть, протяну еще лет десять, но медики никаких гарантий не дают.

— Что предлагают?

Большаков, как всегда, собран, сдержан и не теряет присутствия духа. За эти качества генерал его ценит. Впрочем, и за многие другие тоже. Без Кости он как без рук, без опоры, без поддержки.

— Предлагают... Да нет, не предлагают — настаивают на немедленной операции. Операция хорошо известная, отработанная, рука у хирургов набита, никаких неожиданностей, даже за границу ехать не надо, у нас все сделают в лучшем виде.

И снова пауза. Чем ближе к главному, тем труднее произнести это вслух. Константин Георгиевич тоже помолчал, ожидая продолжения, потом негромко проговорил:

— Правильно ли я понимаю, что вас что-то останавливает? Есть какие-то препятствия?

Генерал кивнул.

— Есть. Операция и период восстановления займут три-четыре недели, если не будет осложнений. Можно делать эндоскопию, тогда все заняло бы три-четыре дня. Но у меня сосуды забиты холестериновыми бляшками, так сказал врач. Просветы такие узкие, что лапароскопом не получится, нужно резать. Да этот врач много чего говорил, объяснял, почему так, а не эдак, и почему опасно затягивать, и какие у меня могут быть осложнения с учетом

всех прочих болячек, которых накопилось, как ты понимаешь, немало.

— И?

Валерий Олегович вытащил из портфеля айпад, быстро ввел пароль и протянул полковнику Большакову.

— Вот это я прочитал сегодня утром. Ты посмотри, а я пока чайку сделаю.

Здесь, в этой квартире, принято было обходиться «без чинов», здесь не соблюдали иерархию званий, и для генерала не считалось зазорным приготовить и принести чай полковнику, который и по званию младше, и по возрасту. В программе все были соратниками, и значение имели только знания, умения и круг должностных полномочий.

Шарков отправился на кухню, как всегда стерильно убранную. Порядок Роза наводила по собственному усмотрению, вероятно, так, как требовал в свое время покойный Евгений Леонардович, однако логику этого порядка генерал до сих пор так и не усвоил. Ему казалось, что если он в прошлый раз оставил коробку с чаем возле электрического чайника, то примерно там же обнаружит ее и сегодня, но чайник каждый раз оказывался убраным в тумбу со всей кухонной техникой, коробка с заваркой после долгих поисков отыскивалась в навесном шкафчике, а чашки, из которых пили Шарков и те, с кем он встречался, стояли вовсе не там, где все прочие чашки, то есть

не над мойкой, а в угловом шкафчике в противоположной стороне кухни. Над мойкой, в полке-сушилке, располагалась посуда строго из одного сервиза: тарелки разной глубины и разного размера, чашки чайные и кофейные и блюдечки к ним. Все, что к сервизу не относилось, Роза методично убирала в шкаф, хотя за время, прошедшее после смерти ИONOва, неоднократно имела возможность убедиться в том, что люди, которые теперь посещают квартиру, пользуются не этими изящными фарфоровыми чашечками «на три глоточка», а исключительно емкостями попроще и повместительнее.

Чаю в коробке осталось совсем мало, на донышке. «На одну заварку, — подумал Валерий Олегович, — надо будет купить к следующему разу. Или Костю попросить... А впрочем, будет ли он, этот следующий раз? Вот сейчас наклонюсь, открою тумбу, чтобы достать чайник, и рванет эта чертова аневризма. И все. Конец».

Налил в чайник воду из пятилитрового баллона, включил и присел на стул у стола. Снова зашевелилось сомнение в правильности принятого решения: а может, взять да и позвонить сейчас тому доктору, сказать, что согласен на операцию? Прямо отсюда и поехать в клинику, пусть начинают готовить. Конечно, придется подождать пару дней, с ходу такие операции никто делать не станет, но даже эти дни он, генерал Шарков, будет находиться под присмо-

тром врачей, поэтому если что и случится, так уже не страшно: вытащат. Разрежут, где надо, зашьют, как положено, и можно будет больше никогда об этом не думать, забыть, как страшный сон. Потом полежать, сколько скажут, две недели, или три, или четыре, и вернуться к работе и нормальной жизни. И к программе.

А если то, о чем он прочитал сегодня на одном из тавридинских сайтов, это именно то, о чем он подумал? И если местная полиция работает оперативно? Что тогда? Тогда все узнают о программе. И программа потеряет весь свой смысл. Рухнет дело, которому Валерий Олегович Шарков посвятил тридцать лет из прожитых пятидесяти пяти. Умрет идея. Люди, прошедшие весь путь или хотя бы часть его вместе с Шарковым и под руководством Ионова, окажутся преданными.

Чайник тоненько, как-то натужно пискнул и выключился. Генерал подождал еще немного, давая крутому кипятку чуть-чуть остыть, заварил чай, разлил по высоким толстостенным чашкам, больше похожим на кружки. Понеслись шаги — Большаков шел из комнаты в кухню. Уже прочитал. Что ему сказать? Как сказать? Какими словами? Советоваться? Или просто поставить в известность?

— Что скажешь? — спросил Шарков, когда оба уселись за стол.

— У меня нет уверенности, что это он, — пожал плечами Константин Георгиевич. — ■